

СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ

Человеку, наверное, хочется очень верить, что у него есть ангел-хранитель...

Иногда в жизни наступают моменты, когда грань между жизнью и смертью бывает очень тонка. В моей судьбе случались события, после которых также с какой-то робкой надеждой думается, что и меня оберегает мой ангел-хранитель.

Как-то, уже в далёкой, довольно романтической юности, пришла в голову (не мою, а моего друга) затея, привычная для него, а для меня скорее необычная, — побывать на осенней охоте.

В тех местах, в коих в те годы мне довелось жить и работать после приобретения лесной профессии, леса были ещё богаты на боровую дичь. Нередко можно было услышать пересвист рябчиков, а на краю осеннего поля, на стерне, чёрные силуэты косачей (тетеревов) разглядеть, если тихо затаиться в зарослях леса, на опушке. Глухари могли важно выхаживать на мелко-каменистых россыпях тропинок, под сенью деревьев, склёвывая камешки, готовясь к зиме.

Одевшись по-походному, предвидя прохладную осеннюю ночь, взяв с собой два ружья, кое-что из продуктов, мы с другом на попутной машине доехали до предполагаемого для нашей охоты лесного массива. День выдался тихий, безветренный, тёплый не по-осеннему для начала октября. Деревья ещё были нарядны, хотя большая часть коричнево-красных листьев осины, ярко-жёлтых, и среди них буроватых от

сентябрьских морозящих дождей, листочков берёзы уже была внизу, на земле. Радовали своей вечной зеленью сосны, попадались ёлочки с распостёртыми во все стороны ветвями. Ноги путались в уже почти засохших, но ещё упругих стеблях густых высоких трав ясменника, полыни, костера. Приходилось осторожно пробираться сквозь вездесущие колючие заросли шиповника. Изредка одиночные пичуги давали о себе знать, перелетая с дерева на дерево, удивлённо щебеча в вышине. Стук дятла по коре иногда тоже раздавался где-то вдалеке. Всё гуще становились лесные заросли: кусты боярышника с редкими, уже почти высохшими тёмными ягодами, смородина (две-три ветки из травы), ивы, разросшиеся и уже без листвы, чернели тут и там. Когда-то красная, а теперь уже тёмно-бордовая ягода костяники кое-где, выглядывала из пожелтевшей травы с поникшими зонтиками, листьями папоротника, усыпанной толстым слоем осенних листьев, глухо шуршащих под нашими шагами. Надежда на дичь в этот день таяла, как и минуты, приближающие нас к сумеркам. В лесу заметно потемнело, а по верхушкам деревьев нет-нет да и прокатывался лёгкой шелестящей волной ветерок, навевая прохладу, принося волнующие запахи осени.

Постепенно стало совсем темно, так что уже было не различить на фоне неба даже ветвей деревьев. Сплошная темнота обволакивала, казалась густой, осязаемой. Мы тихо шли почти на ощупь, выбравшись на лесную тропинку, которая вела нас в неведомое. Вдруг сквозь чащу непролазных деревьев ивы и боярышника, молодых сосёнок появились две яркие, желтовато-лимонного цвета, почти фосфоресцирующие точки, похожие на глаза какого-то невиданного существа. Мы остановились. Они тоже перестали мелькать, как это было при нашей ходьбе. Стоило нам начать двигаться, их движение тоже становилось заметным. Решили сесть в траву, подождать. Это явление как-то насторожило, было и интересно, но и непонятно, что за огоньки-точки преследуют нас. Я была против поступившего от моего охотника предложения — пальнуть по ним из ружья. Через некоторое время увидели, что над тёмным гребнем верхушек деревьев тихо поднимается медно-жёлтый диск луны, пока ещё слабо освещая окрестности. Мы переглянулись, и наш

обоюдный смех разбудил уже почти уснувший лес. Стало легко и весело, ведь оказалось, что «точки-глаза» — это и были крошечные фрагменты движущейся вверх луны, которая скрывалась за густым лесом. Ушла ненужная тревога, да что скрывать — и страх (у меня, например).

Мы, оживлённо разговаривая, вышли на край леса, его опушку. Перед нами открылась картина ночного небосвода со множеством ярких звёзд. Лунный свет необыкновенно, фантастически-загадочно освещал тёмное поле, на котором были видны кое-где чуть желтеющие скирды соломы. Появилась и традиционная в этих местах «охотничья» идея ночлега: развести костёр из соломы, прогреть уже остывшую за осенние холодные дни и ночи землю и потом на это место, предварительно его расчистив от остатков костра, настелить веток, сверху соломы, устроив таким образом постель под открытым небом. Так и сделали потом, после недолгого ужина и любования этими красками осенней ночи, с бездонным мерцающим небом, по чёрному бархату которого иногда оставляли на секунды свой яркий росчерк частые в эту пору гости — метеориты. Казалось, что утренняя охота будет успешной и на каждом дереве будет сидеть по желанной птице, то бишь дичи...

На рассвете, когда над полем и лесом стоял белёсый густой туман, сквозь который и разглядеть что-либо было трудно, поодаль развели небольшой костёр, попили чаю. Друг взял ружьё, оставив второе мне, прислонив его к дереву неподалёку. «На всякий случай!» — сказал он и ушёл, надеясь на утренней зорьке попытать охотничью удачу. Я осталась коротать утренние часы и уснула, тем более было зябко, сыроватый туман казался таким неприветливым.

Трудно сказать, сколько времени прошло... Проснулась я внезапно, как будто от чьего-то сильного, резкого толчка. Стремительно села, оглядываясь по сторонам. Туман уже исчез, пригревало солнце, лицо обвевал ласковый, чуть ощутимый ветерок. На душе было тревожно, беспокойно. Я перевела взгляд от уже потухшего костра на чёрную полосу сторевшей стерни, что шла в направлении нашей лежанки, где я сидела. С ужасом поняла, что только подо мной остался нетронутый островок жёлтой соломы, аккуратно обойдённый огнём вокруг меня. Тлела фуфайка, которой я

была заботливо накрыта другом от холода свежего осеннего утра. Как выяснилось потом, испеклись, скукожились даже мои кашмилоновые перчатки, оставленные в карманах фуфайки. Ни пепел от сгоревшей соломы, ни искры не опалили меня во время моего утреннего сна, не задели, не обожгли, что казалось странным очень. Не почувствовала я дыма, запаха гари, не вдохнула, не задохнулась, хотя ветерок и нёс его в мою сторону. Мне стало страшно и одиноко... Взяв ружьё, взвела курок и выстрелила вверх, подумав, что это и есть «всякий случай». На звук выстрела вскоре подошёл и мой охотник. Увидев, что произошло, он, конечно, был поражён случившимся. Настроение на дальнейшую, вероятно, такую же безуспешную, охоту сразу исчезло. Говорить и обсуждать ничего не хотелось. Мы оставили это место, раздумывая, как мне повезло остаться целой и невредимой, хотя шансов для такого исхода просто не оставалось.

И уже по истечении стольких лет, вспоминая этот случай из своей биографии, я благодарю судьбу и всё-таки своего ангела-хранителя, что позволил тому осеннему дню не стать для меня последним...

ПРИБАВЛЕНИЕ СЕМЕЙСТВА

В старые добрые времена Союза весьма похвальным и незазорным, а то и прибыльным было молодой семье хозяйство своё содержать: кроликов, свинюшек там, коровку даже. Хоть и времени, возможно, на всё и не хватало.

Как-то в начале лета, когда дела огородные ещё были на первом месте (прополка картофеля, например), Саша, брат мужа моего, как раз и собрался исполнить эту «повинность» на своём участке в поле. Жены его на то время дома не было по какой-то уважительной причине. Саша попросил меня поводить с маленькой на то время дочкой Леночкой, благо дома наши стояли на улице почти рядом. Мы с ней сидели на крылечке у них во дворе и наблюдали, как он «регулирует» свой мотоцикл с коляской, на котором собрался ехать на прополку. Время уже шло к обеду. Наконец Саша уехал, при этом напоследок небрежно бросил: «Там, Ольга, свинья должна опороситься, точно когда — не знаем...»

Да-а, свинья — это особая тема: держали всю зиму, а когда собрались с ней «распрощаться», оказалось — поросая. Что-то тревожно мне стало. Смотрю на стайку, загончик при ней сетчатый, где свинка разгуливает, свежим воздухом дышит. Сидим, балагурим с Леночкой, солнце за полдень перевавило, тепло, птички поют недалеко, на тополях вдоль улицы сельской. И вдруг в эту «тишь да гладь» другие звуки стали «проситься»... Странные какие-то: повизгивание, похрюкивание слышалось. Мелькнула мысль: «Свинья!» И какую же картину мы увидели с Леной, подбежав к загородке стайки?! В открытую дверь, в темноватом проёме, было видно, что на дощатом полу, довольно неудобном, да, наверное, ещё и прохладном, качается на неуверенных, хлипких ножках-палочках крошечное, розоватое на вид существо — поросёночек, который время от времени верещит и повизгивает. Кишочка от него тянется какая-то, а мамка, на деле оказавшаяся громадной свиньёй-перестарком, хрюкает предупреждающе, нас заведя. Что делать? Бегу к соседям договориться, чтобы девочку у них оставить. А у самой лихорадочно мысли одна за другой: как роды-то у хрюшки принимать? Вспомнила, что брошюрка где-то дома на полке среди книг лежит до поры до времени, как домашнюю скотинку растить-кормить, всю — от куриц, кроликов до коров. Прибегаю, хватаю её в руки, нужные страницы нахожу, держу книжонку на вытянутой руке и назад бегу по улице, одновременно читая абзацы об опоросе свиней. Руки трясутся, вся уже в панике.

Прибегаю в стайку, а там уже второй поросёнок «жару» даёт, орёт пуце первенца-братана. По науке, пуповину надо обрабатывать, деток к свинье подкладывать, к соскам, чтобы процесс легче и быстрее шёл. Пытаюсь это начать делать, так хавронья на меня как танкетка пошла, укусить норовит, она и поросёнок будто не видит — буром прёт, дороги не разбирая, лишь бы меня достать. Ретируюсь, хватаю поросюшек — и в старую ванну их, на солому, а ванну в загон волоку из стайки. А там уже очередная «порция» поросёнка моего племени показалась из чрева матери! По науке, опять же надо поросёнка принять, обтереть носик-ротик, от слизи освободить... Но куда там, если мамаша у них — монстр! Только сунешься, сразу поднимается — и на тебя, не обращая

внимания на то, что следующее дитя на подходе. Да, долгая канитель обещала быть с такими родами, да и нервотрёпка мне порядочная, обо всём на свете сразу забыла, из головы вылетело, такая ответственность легла на плечи за здоровье и благополучие поросычьего семейства.

Так долго мы и мытарились со строптивой хавроньей: я к ней, она на меня, я поросёночка убираю от неё (где уж приложить к соскам), чтобы не затоптала, тот визжит, свинья тоже угрожает, голос повышает.

К вечеру, когда приехал владелец этого подсобного хозяйства, эпопея почти кончилась, и уже не было сил подробно поделиться такой «радостной» новостью. Я даже счёт потомству потеряла, сколько их народилось тогда — до сих пор ума не приложу!..

ЗАГАДКА... ВЕЧЕРНЯЯ

Всё ближе к нам долгожданное тёплое лето, и всё чаще наши мысли переносят нас в эту любимую с детства пору...

В один из тихих июньских вечеров на озере Сарбаголь, что под городом Шарыпово, с нами, «дикими» автотуристами, произошёл забавный эпизод. Мужская половина под вечер, собрав нехитрые рыбацкие снасти на лодку, не спеша отплыла в направлении вдоль берега озера в неподвижные заводи, к одиноким кустам ивняка, в надежде добыть какую-либо рыбу на сумеречную уху на костре.

Вечерняя заря уже заняла западную часть неба, и на нём — силуэты невысоких сопок, покрытых зелёным редколесьем. Через некоторое время и последние розовые всплохи её исчезли на горизонте. Наступила относительная тишина: птицы умолкли, но слышен был почти неуловимый звук ночных цикад. Воздух стал как будто густым, влажным, наполненным тёплым пряным ароматом цветущих прибрежных трав. Постепенно хор цикад перешёл в сплошной шелестящий стрекот. С озера потянуло свежестью, небо стало терять свои светлые тона красок, меняя их на нежно-лиловые с оттенками тёмно-серого. Но неожиданно среди этой благодати, вначале изредка, потом всё чаще и чаще, стал раздаваться необычный, гудящий, появляющийся

отдельными своеобразно звучащими «партиями» в общем хоре цикад приглушённый звук полёта какого-то приземляющегося (неоднократно) в густую траву... насекомого. Уже был слышен гудящий звук не только полёта, но и удара о траву, которая то и дело шевелилась от этого. Создавалось впечатление, что целая армия каких-то жуков обрушилась на окрестности вокруг озера... В надвигающихся сумерках было трудно разглядеть, что это за существа. Стало тревожно: вдруг это шершни? Мы с сестрой срочно ретировались, забравшись в автомобиль, молниеносно закрыв в нём окна. Возможный укус шершня был так нежелателен!..

Ждали возвращения наших рыбаков. Увидев наконец их подплывающую лодку, стали махать им руками, кричать о подстерегающей их на суше опасности в лице неизвестной летающей напасти. «Шершни, шершни!» — неистово кричали мы в чуть приоткрытое окно легковушки. Но они (о ужас!) не торопясь, деловито вытянули лодку на песок, на берег и стали над нами смеяться. Оказалось, что это были жуки майского хруща, которые совершали свой перелёт и решили «заночевать» тут, в нагретой за день, влажной от вечерней росы траве. У жуков наступила пора кормёжки берёзовыми листьями. Завтра они и полетят такой оравой искать себе подходящий березняк.

Майский хрущ не опасен для человека и животных, но может наносить серьёзный урон лесным, особенно хвойным, массивам молодняка сосны, кедра, посевам на питомнике. Внедряясь в почву после усиленной кормёжки, он откладывает яйца, из которых появляются личинки. Они подгрызают корешки, уничтожая тем самым деревца. Вред от них бывает очень ощутимым в наших сибирских лесах.

В тот вечер страх быстро прошёл, мы тоже весело смеялись над собой, а мужчины нас ещё долго потом передрознивали: «Шершни, шершни!..»

ПЕТУХ ПЕТЯ

«Опять эта курятина!» — разочарованно произнёс глава семьи, придвинув стул к столу, садясь на своё законное место, заглядывая в тарелку, стоящую перед ним. «Что ж,

меню должно быть разнообразным, не одна свинина с утра до вечера!» — откликнулась хозяйка, то есть... я.

«И не так уж часто куриное мясо готовлю!» — подумалось мне. И вспомнился ненароком случай из далёкого теперь уже времени, когда со дня нашей женитьбы и года не прошло.

Дом, в котором мы жили тогда, рассчитан был на четыре семьи — две с одной стороны дома, две с другой. И дворы — на два хозяина. Соседка наша, Вера, по весне купила цыплят и держала их в большой клетке под окнами в своём огородчике. Цыпушки подрастали, но однажды ночью клетка оказалась открытой, и, вероятно, в ней «поохотились» коты или собаки. Рано утром нас разбудил истошный крик соседки. Из всех цыплят остался в живых один петушок, что забился в угол клетки и сидел не шелохнувшись — наверное, от испуга. Немного успокоившись, Вера горько произнесла: «Ну куда его мне? Что с одним делать-то?»

Я решила взять его нам, для забавы, что ли, ведь из хозяйства у нас был только котёнок. Петушок рос, привык уже гулять по дворику без загоронок, постепенно становясь почти ручным. Мы его баловали вкусными кусочками, сыпали семечки, которые он любил, а то даже пескарями лакомился из корчажки, что иногда ставили на речке специально для него. Время шло к осени. Петя, как звали его, превратился в белого красавца с гордой походкой, ярким гребнем, роскошным хвостом. Да и подружек-курочек себе нашёл из дома напротив, которые заходили к нему в ограду, в основном когда нас не было дома. Он зазывал их, суетливо предлагая свои «разносолы», а то и приударял за некоторыми. Его боевой клич был слышен и ранним утром, и среди дня... Интересным, даже забавным было то, что если мы заставляли его подружек в ограде, придя с работы, Петя моментально распушал перья и, хлопая крыльями, гнал их со двора, налетая, делая вид, что очень недоволен их присутствием, хотя до этого «распинался», «раскланивался» перед ними. Конечно, куры, кудахча, убегали.

На улице становилось всё холоднее... Вот уже и первые утренники траву примораживать стали, тополя уронили свои побуревшие листья. Петуху в сенцах устроили седалище, где он и пребывал с вечера, продолжая днём гулять, радостно выражая какие-то свои эмоции при виде нас. Но как-то, идя

с работы, я не услышала знакомого голоса, и никто не встретил меня, как обычно. В сенцах тоже было тихо. А дома ждал сюрприз: суп... из моего любимого петушка Пети!.. Я плакала долго и безутешно и, конечно, суп и не попробовала. Муж, не ожидая, наверное, такой реакции моей, оправдывался: мол, где его зимой держать, да и вообще, так ему захотелось наваристого куриного бульона, как в детстве, что так любили в их семье и всегда кур и цыплят держали. Долго я не могла простить ему эту потерю. И как-то почти сразу после этого нелюбовь к курятине, блюдам из неё стала приоритетной у мужа. Если и ест, то без удовольствия, а то и вовсе отказывается, предпочитая что-либо другое на обед.

По прошествии многих лет я спросила у него: мол, не Петя ли, петух наш, стал причиной этой неприязни? Он задумчиво кивнул головой и сказал, что сам удивлён тем, что его точно как «отвернуло» от этого мяса, как-то совсем разонравилось...

ПРИРОДА СИБИРСКАЯ...

Природа сибирская! Лес, манящий к себе во все времена года своей красотой, милым очарованием...

Осень со своими неповторимыми яркими красками: от нежной желтизны берёз в эту пору до осинового багрянца среди тёмной зелени бархата хвойных. Воздух становится прозрачнее, в нём уже заметны летящие из спелых семян трав лесных пушинки, что тихо поднимаются вверх под едва заметными дуновениями ветерка. Если долго нет дождя, паук вьёт свой такой знакомый орнамент, что серебрится под солнечными бликами, проникающими через кроны деревьев, скользящими по разноцветной листве кустов, травинкам.

Ещё в августовские жаркие дни чувствуется свежее дыхание осени, а прохладные ночи туманом укутывают погрустневший лес.

Но дни осенние могут быть уже и неприветливыми: с рваными серыми облаками по небу, порывами мокрого от холодного дождя ветра, а когда и с утренним инеем на побуревшей уже чахлой траве. Всё чаще снежной крупой осыпает осень поздняя свой цветной ковёр из опавших листьев, нехотя уступая надвигающейся зиме с её первыми морозами и метелями.

Влажный снег летит хлопьями, почти сплошной завесой, прилипая к бело-чёрным стволикам-«сарафанам» берёз, и они от него становятся ещё пестрее. Снег шуршит по листовому опаду, постепенно скрывая под собой осеннее разноцветье...

И вот наконец всё становится белым. Ветер стихает. Наступают минуты торжественной тишины, словно сама юная Зима любит себя своим мастерством созидания холодной красоты. И так, с каждым днём «взрослея», будет она и стужу лютую приглашать, колдуя с ней вместе над притихшими лесами, и лавиной снежной опять засыпать всё вокруг, стерея краски яркие. И только хвоя сосновая, еловая, а где и кедра, будет всё-таки победно зеленеть, выглядывая из-под тяжело нависших белых шапок снега на ветвях.

Хорошо, если осень расщедрится рябиной-ягодой, которая бордовыми гроздьями застынет на кустах, припорошённая снежком. Тогда и свиристели, прилетев в какой-то час, тихо звеня своими голосами, словно нежными колокольчиками, полакомиться смогут ягодами, расклёвывая семена из них, рассыпая на снег красные крошки. И долго ещё будет зима царствовать здесь, на безмолвных просторах сибирских. Всё выше сугробы, всё крепче и плотнее наст, толще лёд на озёрах, речках таёжных.

А к марту всё голубее и бездоннее небо, куда обращены «взгляды» вершин деревьев, которые тянутся к нему и робкому ещё солнцу. Но и оно станет смелее, подтаивая слежавшийся, уже темнеющий поверху снег на открытых его лучам склонах, пригорках, полянах, просвечивая хрустальные кристаллы льдинок, плачущих тёплыми слезами, приветствуя наступающую весну. Сквозь бывшие когда-то яркими одежды Осени — листья, травы, ставшие за долгую зиму обветшалыми, неприглядными, — пробиваются зелёные ростки новой жизни. Навстречу приветливому солнцу рождаются из почек на ветках деревьев пока ещё крошечные листочки, свешиваются вниз, покачиваясь от ветра, серёжки берёз, жёлтые от пыльцы, серо-голубые, словно замшевые, длинные серьги осин. С наступлением тёплых дней и бутоны белых соцветий черёмух сибирских, раскрываясь, дарят всей округе лесной свой особенный медово-горьковатый аромат, зовущий к себе уже проснувшихся шмелей, пчёл.

В эту пору уже цветы лесные-таёжные — медуницы с оттенками синего, лимонно-жёлтые первоцветы-петушки, скромные фиалки, кандык, сон-трава и, конечно, оранжево-яркие полянки жарков сибирских — радуют нас, извещая о том, что весна уже здесь, будет и дальше «дирижировать» цветением деревьев, кустов, трав. И плавным бывает переход из весны в лето, когда в хор цветущих вступают и летние: ромашки белые, синие колокольчики и живокость, марьяны коренья, разноцветные башмачки Венеры — орхидеи сибирские, жёлтые лилии красоднева, душица розовая, малиновые свечи иван-чая (кипрея). Всё пышнее листва, всё выше и гуще травы, звонче пение птиц на утренней и вечерней заре. И как щедра природа сибирская в летнюю пору! Алые капельки лесной земляники в соснячке, если хоть немного солнца попадает под кроны... Россыпи веточек с ягодами клубники в густой траве на опушках, полянках... Плоды калины, черёмухи, боярышника, а то и смородины красной и чёрной, которая ближе к болотам, вдоль речек, по ручью растёт. Черника, голубика селится в смешанном лесу, где солнечнее. А на тёмно-зелёных подушках мха среди сосен рдеют брусничные ягоды. А сколько грибов в иные годы дарят нам дни летние! Тут тебе и маслят пуговочки тугие среди хвои опавшей во мху, и подберёзовики на крепких длинных ножках маскируются среди веток валежника. Боровички — белые грибы — радуют своим внезапным появлением неизбалованное население. Грузди же — особое грибное племя, что так ожидаемо всеми.

И с каждым днём летним, таким разным — то знойным и душным, то шумным от ливня с раскатами грома, то не очень жарким, с облачками, наплывающими на солнце, с ветерком лёгким,— постепенно, почти незаметно, лето тихо «шагает» в осень. К тому времени и шишка кедровая поспеет в тайге, если год ореховый, тогда и живность лесная сыта будет.

Вот и завершился очередной цикл времён года в природе сибирской. Пусть же она ещё столетья жива будет! Да не коснутся её беды: пожары лесные, наводнения, потери отдельных видов флоры и фауны, роковые изменения ландшафта! Да не иссякнут реки, ручейки и светлые родники её! Человек, ведь ТЫ в ответе за это!..

ВИАДУК

Начало шестидесятых годов двадцатого века... После переезда нашей семьи со станции Чернореченская в город Иланский, куда папу перевели на работу директором сорок первой школы, примерно года через три, ему была предоставлена директорская должность в железнодорожной школе-интернате, которая находилась по другую сторону от железной дороги. Мы переехали с улицы Рабочей в квартиру при школе. А через железнодорожную линию можно было пройти по высокому виадуку, что располагался над проезжающими составами поездов, многочисленными разветвлениями рельсов, а то и тупиков, где своей очереди ожидали вагоны. Виадук — замечательное место!.. Стоишь, смотришь вниз, а под тобой движутся вагоны очередного поезда. Если это товарняк, сверху видно, что везут на открытых платформах: уголь, брёвна (их называли «лес»), автомобили, чаще грузовики, а то и военные, окрашенные в тёмно-зелёный защитный цвет, с охраной, сопровождающей состав. Иногда мелькали и танки, пушечные лафеты. Это на тех поездах, что шли на восток. Были составы с нефтеналивными цистернами, а то и с аммиаком или другим опасным грузом, химическим содержимым, и тогда на них можно было увидеть предупреждающие, даже пугающие знаки — череп с перекрещёнными костями. Атмосфера железной дороги с рельсами, уходящими вдаль, зовущими тебя в неизведанное, звуки сигналов, гудков тепловозов, свет фонарей, прожекторов, который тоже казался особенным, живым, пульсирующим в летний вечер, когда невообразимое число разных насекомых — бабочек, жуков, комаров — вилось столбом в потоке света. Зимними же вечерами, когда шёл снег крупными тихими хороводами хлопьев, падая вниз, на землю, на рельсы, таинственно-ярко мерцая в этих световых лучах или яростно кружась под порывами ветра вьюги, не хотелось уходить отсюда, с этой высоты, обращать внимание на холодные «объятья» всё крепчающей стужи.

Виадук... С него открывались картины окрестностей: дальний лес у горизонта, на западе, в летнем мареве, деревянные дома жителей городка, буйная зелень небольшого

городского парка-сквера, с возвышающимися тополями, кудрявой акацией, и тёмно-зелёный массив Железнодорожного парка, большего по размерам, в котором преобладали ели, сосны, длинными аллеями росла черёмуха. Виднелся и железнодорожный вокзал, такой притягательный, уютно расположившийся на перроне, чуть отступив в глубь его, подальше от рельсов первого пути. Всегда опрятный, светло-окрашенный, с бордюрами заботливо посаженных, ярко цветущих милых растений: анюток, левкоев, душистого табака, маттиолы, резеды,— так нежно благоухающих к вечеру. Да, пора и мне спуститься на землю, пройдя по деревянному настилу виадука, деревянным, железом обитым ступеням, очутиться на асфальте перрона, под светом вечерних фонарей, где кто-то из горожан поджидает свой поезд, чтобы встретить кого-то или уехать далече самому...

А вот, сразу видно, любопытные мальчишки на велосипедах приехали «поглазеть» на жизнь привокзальную, промчаться с ветерком по улицам, прилегающим к вокзалу, таким ровным, в отличие от их собственных. Слышится приятный голос из вокзального репродуктора о прибытии поезда. Мелькают номера вагонов пассажирского состава, скрипят тормоза, открываются двери, спускаются лесенки подножек, появляются силуэты проводниц. Выходят приехавшие, в вагон поднимаются отъезжающие...

Запомнилось событие в череде дней детства, связанное с железной дорогой,— проезд Н. С. Хрущёва через всю страну на поезде. В день проезда его через станцию Иланскую площадь перед зданием вокзала была переполнена людьми, как и виадук. Поезд с Н. С. Хрущёвым на станцию пришёл, но не остановился, а, чуть замедляя ход, проследовал дальше, под улюлюканье растревоженной толпы, вконец разочаровавшейся в происходящем. Возможно, ждали от него каких-то обнадеживающих слов оправдания непростой ситуации в стране?

В Иланском я не была уже более пятидесяти лет... Как поживаешь, старина-виадук, как твоё здоровье? И всё так же стоишь ли ты, возвышаясь?..